

детектив – событие

Евгения Михайлова

МУЖЧИНА НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Мужчина несбывшейся мечты

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Мужчина несбывшейся мечты / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2018 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-097685-0

Кристина любила мужа Антона так сильно, что не верила в свое счастье и больше всего на свете боялась его потерять. И однажды самый страшный ее кошмар начал сбываться... Антон выбирал жену, руководствуясь голосом разума, а не сердца. И совсем не ожидал, что вся его привычная жизнь рухнет, когда он встретит настоящую любовь... После того как ее сестра погибла в автокатастрофе, Мария решила посвятить жизнь воспитанию племянницы Кристины. Страсть к ее мужу Мария скрывала даже от самой себя... Когда любовь причиняет лишь боль и мучения, ломает судьбы и разрушает жизни, отказаться от нее все равно невозможно. Ведь только ради той любви, что стирает все границы и условности, стоит жить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097685-0

© Михайлова Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая. Узкий круг	6
Муж	6
Жена	9
Теща	11
Любовник	14
Друг	16
Подруга	19
Брат	21
Невестка	22
Часть вторая. Тучи сгущаются	24
Покушение	24
Кристина	25
Андрей Серебров	27
Лионелла	29
Никита	31
Борис	33
Мария	36
Антон	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгения Михайлова

Мужчина несбывшейся мечты

© Михайлова Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*События и действующие лица романа вымышленные. Все
совпадения с реальными фактами случайны.*

Часть первая. Узкий круг

Муж

Он слишком хорош для мужа. Так думает Кристина об Антоне через три года брака. Чем больше она его узнает, тем ярче, глубже и интереснее он ей кажется. Кристина изучила все его морщинки, родинки, шрамы и поняла, что из этих деталей состоит совершенно гармоничный, нереально красивый мужчина, лучше которого просто не бывает.

Она до сих пор помнит, что именно испытала, увидев Антона впервые: потрясение, восторг и невольную робость.

Он вошел в приемную ее руководителя, где она сидела за столом секретаря. Поздоровался и кивнул на дверь:

– Командир у себя? Я Антон Серебров. Мне назначена встреча.

– Да, Константин Петрович сейчас вас пригласит. Только закончит важный телефонный разговор. Присаживайтесь.

Кристина старалась не выйти за пределы профессиональной любезности, но не могла отвести взгляд от его лица.

С той первой встречи его лицо постоянно перед внутренним взглядом, независимо от того, рядом Антон или далеко. Она никогда не встречала человека, который хотя бы приблизительно был похож на ее мужа.

У Антона очень правильное, строгое, даже аскетичное лицо. Четкие скулы, впалые щеки, жесткие, строгого рисунка губы. И совершенно удивительные глаза. Темные, пронзительные, его взгляд почти обжигает. По его глазам можно читать настроение, настолько они выразительные. Они все замечают и на все реагируют. Кристине кажется, что ни один повод не заслуживает таких чувств, какие выражают глаза ее мужа. Это понимание и оценка, это ирония и грусть, неизбывная тоска и глубокая страсть. К чему, кому – это тайна Антона. Его глаза можно читать, как романы. И не утонуть невозможно.

Такой удивительный муж достался обычной женщине Кристине, у которой до знакомства с ним и романов практически не было. Так, с пяток свиданий и две ночи, условно говоря, любви, из которых не вытекало продолжения. Такие женщины, как она, ходят по улицам сотнями и тысячами. И только Кристина поймала редкий шанс – встретить Антона. А как получилось, что он выбрал ее в жены, она и сама не знает.

Он сдержан, немногословен, всегда корректен. Он находит такие осторожные слова для признаний и правды, что их можно принять только умом, в то время как сердце тихонечко поскуливает от сомнений и страхов. Но это дальний фон их безусловного семейного счастья. Счастья, которое в руках Антона. В очень надежных руках самого порядочного человека.

Вечером Кристина убирает квартиру, готовит ужин и постоянно выглядывает в окно – не идет ли Антон. Последние десять минут перед его приходом вдруг останавливаются, тянутся, как час. А ключ в двери поворачивается всегда в ту минуту, когда Кристина думает: а вдруг что-то случилось? Но он не опоздал ни разу.

У Антона очень тяжелая и сложная работа. Он – профессор отдела экспериментальной физики высоких энергий НИИ ядерной физики. Он никогда не говорит дома о работе, но Кристина знает: муж все время о своей работе думает. Там есть проблемы, сложные отношения с людьми. Это понятно по разговорам по телефону, по тому, каким напряженным и задумчивым бывает его лицо. А когда он сидит за своим рабочим столом, за компьютером, стоит у своей доски с мелом, как школьный учитель, и пишет бесконечные и никому, кроме него, не понятные формулы, – тогда к нему даже бесполезно обращаться. Антон ничего не слышит.

Сегодня он пришел с букетиком первых подснежников. Приласкал в прихожей Кристину своим невероятным взглядом. И сказал:

– Я сегодня опьянел, такой сумасшедший запах у весны. И до сих пор жарко. Купил шампанского, поставь его в морозилку. Давай сегодня будем говорить только о нас. Не включай телевизор, не станем подходить к телефону. А ночью пойдем погуляем. Хочешь?

– Еще бы! – зажмурилась от восторга Кристина. – Я так скучаю по тебе целый день. А потом полночи смотрю на твою спину в кабинете и стараюсь не уснуть. И каждый раз засыпаю, чтобы утром увидеть твою спину, уже в костюме, когда ты уходишь на работу.

– А я жалею тебя будить по ночам, – Антон погладил ее по голове. – Но сегодня мы будем все делать вместе – не спать, спать, вставать. Пусть будет у нас такой праздник.

Кристина словно видела их обоих со стороны, как в кино. Сидит она, шатенка, рыжеватые отблески в челке, на ней кружевной черный халатик, без косметики. У нее обычное лицо, о котором даже сказать нечего. А напротив нее за кухонным столом ест незамысловатый ужин: котлеты из полуфабрикатов и тушеные овощи – мужчина, на которого смотреть больно. Ее подожженная шампанским кровь волнуется от звука его голоса – ласкового баритона, от легкой улыбки идеальных губ. А его глаза... Это ее горячий омут, ее сладость до боли.

После ужина они пойдут гулять, взявшись за руки, вместе вернутся. Вместе разденутся, лягут рядом, и она в очередной раз не поверит своему счастью. Это ее игра с самой собой: она три года не верит своему счастью. Боится его сглазить.

Ночь благоухала и гладила их нежным ветром. Антон рассказывал о красоте Средиземного моря, где был в экспедиции. Он очень красиво говорит. Он знает, кажется, все. Но они никогда не говорят ни о своих отношениях, ни о работе, ни о бытовых проблемах. Это все в порядке: что-то по умолчанию, что-то наладится само собой, рабочие проблемы рано или поздно решатся. Главное для них – это возможность безмятежного общения вдвоем. Их отдых, бегство, спасение, убежище. Кристина свято в это верит.

Они вернулись, размягченные теплом ночи и объятий. Антон включил свой телефон и проверил пропущенные звонки. Кристина видела, как он нахмурился, задумался. Выключил телефон. Затем опять включил, но перезванивать не стал. Ей, как всегда, ничего не объяснил. Они допили шампанское, доели клубнику. И тут его телефон позвонил. Антон ушел с ним в свой кабинет.

Кристина посидела пару минут одна за столом. Первый час ночи. Кто ему так поздно звонит? По какому поводу? Что-то случилось? Да, у них в отделе и ночью часто кто-то работает. Дома они все работают по ночам. Все нормально, кроме одного. Она не может у него об этом спросить. Есть непреодолимый барьер. А он сам никогда не расскажет.

Кристина вышла в коридор, подошла к его двери с матовым стеклом, увидела, что он сидит на диване у стены, и приложила ухо к двери.

– Да, – резко сказал Антон кому-то. – Это не обсуждается. Да, ультиматум. У тебя два дня. Это предупреждение. Я должен бояться? Ты мне угрожаешь? Плохой путь. Это уничтожает возможность мирного решения нашей проблемы.

У Кристины похолодело сердце. Возможно, Антон в таком тоне и раньше с кем-то спорил, но раньше она не подслушивала. И правильно делала. Теперь замучается гадать и ждать неприятностей. Она тихонько попятилась к кухне, но тут раздался еще один звонок.

– Да. Был отключен. Мы выходили погулять. Конечно. Не то слово. Как об этом можно сказать? Это за пределами слов! И я.

А в этот раз голос у Антона был ровным, спокойным, тихим. Но какие непонятные, какие странные слова!

Кристина ушла в кухню, стала мыть посуду. Краем глаза видела, как Антон зашел в ванную. Он был там долго, в спальню прошел, ничего ей не сказав. Когда она легла рядом с ним,

он лежал на спине с закрытыми глазами. Конечно, не спал: она чувствует его напряжение, губы плотно сжаты.

Антон открыл глаза, улыбнулся ей, протянул руки. В ту ночь они были мужем и женой. Вот только сладкого омута Кристины не было той ночью. Супружеский долг. После него Антон повернулся к ней спиной и лежал слишком неподвижно: так не спят, так делают вид, что спят. Неужели через три года брака Кристина все же сглазила свое счастье?

Жена

Антон вошел утром в кухню, посмотрел на приготовленный Кристиной завтрак и улыбнулся. Оладьи! Его любимые. Если высокая горка золотистых оладий красуется на тарелке, значит, с десяток неудачных предшественников нашли свой комковатый покой в мусорном ведре. Кристине не очень удаются блюда сложнее яиц, сваренных вкрутую. Особенно она не любит те, для которых требуется смешивать ингредиенты. В этом деле она совершенно теряет память и чувство пропорции. Постоянно лезет в Гугл проверять рецепт и все равно, как правило, восклицает: «Забыла!», «Перепутала!», «Мамочки, что же теперь делать?».

Оладьи она выкладывает на сковородку одной большой ложкой, но они капризно принимают каждый свою форму: одни становятся гигантами, другие остаются чуть увеличенной каплей. Те, которые сразу сгорели, сбились в крутой комок, порвались при переворачивании, Кристина безжалостно бракует.

Если утром, перед работой жена решилась на такой подвиг, Антон может трактовать это лишь как проявление любви. Наверное, она хочет поблагодарить за вчерашний вечер: короткую прогулку и еще более короткую и почти формальную близость. Он испытывает такую жалость к ней, такую досаду на себя, что глазам горячо. Он ценит Кристину, хочет, чтобы она была счастлива, но у него существует система устоявшихся приоритетов. Антон никогда не оспорит диктат работы и не сдаст даже самому близкому человеку ни миллиметра своего личного пространства. Зато в том, что Антон отдаст своей жене, не будет ни капли лжи и фальши. И он надеется, что Кристина это понимает.

Антон с аппетитом ест оладьи и подмигивает Кристине:

– В очередной раз убеждаюсь, что не в красоте счастье, особенно когда речь идет о твоих блинах и пирогах. В одной партии не найдешь двух одинаковых по размеру, форму такую не придумаешь и специально, но вкуснее я еще не ел. Честное слово. Веришь?

– Еще бы. Ты даже мне никогда не скажешь, что я хорошо выгляжу, если тебе так не кажется.

Им очень легко вместе. И не потому, что они в чем-то похожи. Наоборот, они не похожи ни в чем. Они просто очень подошли друг другу. В том числе и непохожестью.

Антон смотрит на лицо Кристины. Простое, чистое, искреннее и доброе. В нем именно то, что так редко встречается в людях в принципе. Доверчивость, спокойствие и ласка. Ему понадобилось очень многое узнать о людях, о женщинах, для того чтобы выбрать себе жену. На эту роль у Кристины не было соперниц. Антон всегда точно знал, какой будет его жена. Все ее достоинства должны быть отрицанием понятия «слишком». Она не должна быть слишком красивой, слишком умной, слишком образованной и самостоятельной. Она даже не должна быть слишком доброй. Ничего чрезмерно яркого, сильного, слепящего и истеричного. Только норма. Устойчивая, прозрачная, надежная и предсказуемая норма. Тот, кто знает людей, понимает и то, какая это редкость. Ее не часто найдешь даже в близких по крови людях. А брак – это великая возможность найти свою гармонию и свой душевный комфорт рядом с другим человеком. Не каждому дано справиться с таким поиском. Многое сбивает с толку. Влюбленность, страсть, помешательство способны сжечь мозг и тело в пожаре обожания.

Да, Антон прежде всего хотел сохранить себя, создавая семью. Но когда он встретил женщину, которая проходила по его невозможным критериям, он в первую очередь проверил: нужна ли она ему как любовница. Без этого нет в союзе совершенства. Кристина прошла и этот экзамен. Близость с ней не утомляет, не сжигает, не заставляет забыть обо всем и потерять себя. И здесь плюсы от «не». Эта близость снимает тревоги, уводит от тяжелых мыслей. Это просто тепло, верное, ласковое, родное и домашнее тепло. Его так много, что понятно – оно не может закончиться утром.

После завтрака Антон вошел в ванную, чтобы почистить зубы. Открыл аптечку, достал новый тюбик пасты вместо выброшенного и посмотрел на пачку противозачаточных таблеток. Нахмурился, как будто вспомнил о чем-то.

– Кристина, – позвал он жену. – Ты продолжаешь принимать таблетки. А я все забываю у тебя спросить: может, прекратим? Что ты думаешь о ребенке?

– Я думаю о нем, – просто сказала Кристина. – Я думаю о том, что еще рано. Понимаешь, я не привыкла любить тебя. Постоянно, без передышки, без отвлечения на кого-то еще. Наверное, мне нужно больше времени, чтобы понять: это не ошибка, не счастливый период, а моя судьба. Боюсь, на две большие любви меня сейчас просто не хватит. Боюсь быть плохой матерью. Давай подождем. Ты согласен?

– Разумеется. Это очень важно – быть готовыми к встрече с самым главным человечком. Я тоже думаю, что не следует торопиться. Дом загородный нужен или хотя бы хорошая дача. Именно свой, а не отца, не хочется ему мешать. А тебе лучше оставить работу. Если захочешь, конечно.

– Как-нибудь потом, конечно, захочу. Когда будет ради кого.

Антон высадил Кристину у ее офиса, проводил взглядом, пока она не скрылась в дверях, и поехал к себе. И всю дорогу думал о том, любит ли он жену без передышки и отвлечения. И действительно ли хочет, чтобы их стало больше. Ответил, как всегда, четко на оба вопроса. Любит с передышками. С большими такими паузами на все остальное. И он не готов к появлению родного, но беспомощного существа, с которым будут связаны все планы, поступки, мысли и даже дыхание. Для малыша недостаточно ясно в душе. Он разобрался только в душе Кристины, но не в своей.

Теща

На самом деле Мария – не мать, а тетя Кристины. Она младшая сестра ее матери, которая погибла в автокатастрофе. Когда Мария удочерила племянницу и подчинила своему новому статусу всю свою жизнь, ей было двадцать четыре года. Кристине – пятнадцать. Их часто принимают за подруг, но не сестер. Они совершенно не похожи внешне.

Мария – тоненькая, подвижная женщина с гладкими черными волосами и очень интересным лицом. Кожа у Марии всегда бледная, цвета лепестка цветущей яблони. И вызывающим контрастом мрачно и страстно мерцают большие черные глаза. Рот – крупный, чувственный, как будто подкрашенный темной помадой, но на самом деле это настоящий цвет ее губ. На ее лице словно застыла печать трагической обреченности. Страшное горе – гибель сестры и деверя – не прошли для нее даром.

Удочерить племянницу Мария решила сразу же. Она отвергла предложение родителей, живущих в Америке, забрать девочку к себе. Мария хотела, чтобы у Кристины была возможность собственного выбора. Хочет ли она сразу изменить свою судьбу? Оставить свою школу и своих друзей? У Марии хватило сил на все: она отбилась от назойливой службы опеки, которая алчно засуетилась вокруг новой сироты с квартирой; отстояла свое право на родственное удочерение, ей, незамужней, позволили стать матерью девочки-подростка. И квартира Кристины осталась за девочкой. Поселились они вместе, в квартире Марии, которая была в соседнем доме.

Мария после пединститута преподавала рисование в школе. Когда она стала матерью Кристины, ей пришлось всерьез подрабатывать. Мария предложила свои услуги рекламным агентствам, фирмам в оформлении. Параллельно закончила курсы дизайнеров, со временем стала достаточно востребованным консультантом по интерьерам. В результате именно это и оказалось основным доходом.

Какая из Марии мать, наверное, нужно спрашивать у Кристины. Сама Мария матерью себя не считала. Не смела. Ее внутренний голос так и не сказал ей: это твоя дочь. Ей бы хотелось пройти через боль рождения собственного ребенка. Почувствовать грудью сладость родного горячего ротика. Петь своему малышу колыбельные. И смотреть, как из страстно обожаемого карапуза на нее смотрит давно знакомая душа. Только тот, кто появился из твоего тела, из твоей крови, из твоей страсти, может стать по-настоящему родным. Так считала Мария.

Но случилось то, что случилось. Она увидела бледную, испуганную, потерянную Кристину в горе. Представила себе, какие испытания могут ждать девочку, и мгновенно решила, что именно это и есть ее миссия. Стать опорой и защитой близкому человеку, которого без нее снесут ветры неизвестности и опасностей. А Кристина такая хорошая, спокойная девочка. Рыженькая, как ее мама, покладистая, домашняя. Кристина больше всего любила домашний порядок и уют. Разрушить это – значило разрушить внутренний мир совершенно незащитного человека. Мария не могла этого позволить.

Они неплохо уживались, несмотря на разницу характеров и контраст темпераментов. Но проблем в отношениях было немало. Две женщины, не связанные прочной близостью, вдруг оказались во всем зависимыми друг от друга. Мария и Кристина не сходились ни во вкусах, ни в оценках. В спорах Кристина непримиримо умолкала, а Мария могла впасть в раздражение или возмущение. Но побеждало главное в них – порядочность, интеллигентность. Кристина никогда не теряла чувства благодарности к Марии. Мария в любой момент была готова биться с кем угодно за счастье Кристины.

Кристина не знала, кем хочет быть. Поэтому они решили, что она просто закончит хороший вуз, а потом уже выберет, чем на самом деле заниматься. Кристина поступила на филфак пединститута. Но сразу после защиты диплома разослала резюме в серьезные конторы

на должность секретаря. Ей хотелось быть в большом и крепком деле, рядом с сильными и уверенными людьми. И да, она хотела удачно выйти замуж. Не в школе же искать нормального мужа. Мария отнеслась к планам девушки скептически, но постаралась не вмешиваться. В конечном итоге это ведь в ее интересах – передать надежному мужу большую часть ответственности за приемную дочь.

Слишком страстный человек Мария: она иссушила собственную жизнь этой ответственностью. Но она старалась не думать о том, сколько собственных возможностей стубила на корню, считая, что не имеет права отвлекаться от миссии.

Кристина перешла жить в свою квартиру еще в институте. Мария была в курсе всех ее встреч с очень немногочисленными поклонниками. Прятала опасение, что Кристине не хватит ни обаяния, ни красоты, ни опыта, чтобы найти и удержать по-настоящему интересного человека. И была очень удивлена, когда Кристина привела Антона. Такой мужчина для женщины – приз однозначно. Если он действительно ее любит, если нет в нем коварства и подвоха. Но какой может быть расчет в союзе со скромной секретаршей из обычной семьи? Мария ненавязчиво понаблюдала за ними и пришла к выводу, что так выглядит счастливая судьба Кристины. А значит, ее, Марии, старания не были напрасны. Она ведь была верным сторожем этой судьбы. Нет, Мария, конечно, продолжает свою миссию спасения и опеки, но главную роль самого близкого человека в жизни Кристины она спокойно уступила ее мужу.

Мария справедливо оценила все достоинства Антона, но затаила чувство, похожее на ревность. Слишком откровенно Кристина любила мужа. Если Антон ей скажет: забудь Марию, она тебе никто, Кристина с радостью подчинится. В лучшем случае всплакнет перед тем, как уйти навсегда.

Они жили в соседних домах, а встречались очень редко. Им достаточно было ежедневных разговоров по телефону. Когда Кристина произносит в трубку свое «привет», Мария знает, что она улыбается. Ее сердце неизменно теплеет от звуков голоса приемной дочери. А с Антоном ей в первое время было трудновато разговаривать. Он – идеальный муж для такой спокойной, доверчивой женщины, как Кристина. Правильный, вежливый, в меру внимательный, в меру любящий и корректный. Ключевые слова – «в меру».

Мария тщательно скрывала от Кристины, что ей прекрасный зять с первого взгляда показался пресным, слишком бесстрастным и недостаточно откровенным. Она сама бы не смогла выстроить с таким человеком нормальные отношения. Она, которая со страстью воспринимает все, бурно реагирует на любой повод, который кажется ей важным. Ее бы раздражал невнятный, скрытый отклик. Даже если за ним самые добрые намерения.

Со временем отношения между зятем и тещей стали почти приятельскими. Они одного возраста, образованные, интеллигентные. А разницу в темпераментах и жизненных приоритетах решало расстояние. Возможность жить одной семьей, не выходя за границы двух квартир, окна которых смотрят друг на друга.

Антон чутко уловил в теще холодок неприятия и сразу стал соблюдать дистанцию. Тем более Мария для него была явно из категории женщин «слишком». Мрачный темный взгляд, скорбный рот на красивом лице. Она была человеком-опасностью. Антон таких обходил.

После свадьбы Кристины Мария позволила себе, наконец, откровенную личную жизнь. Оставила позади короткие, унижительные свидания, угрызения совести. Позволила себе отдохнуть от главной миссии. Начало свободы поставило Марию в тупик. Претендентов оказалось очень много. Наверное, раньше она просто не имела времени и интереса замечать вокруг себя влюбленных или просто решивших попытаться счастья мужчин. Но это все было не то. К тому же она полностью исключала замужество. Мария рано открыла в себе самоотверженность материнства, и это вытеснило из самых туманных планов возможность брака. Мария решила оставаться свободной. Ни одно обстоятельство не должно помешать ей броситься на зов дочери,

если она понадобится. И потом: у Кристины будут дети. И только у Марии есть опыт настоящей борьбы за счастье ребенка. Борьбы с целым враждебным светом и до победы.

Свой свободный выбор Мария сделала в пользу сильного, уверенного в себе Бориса. Это человек с независимым умом, с серьезным делом, к которому относится без фанатизма. Безразличие ко многим сочетается в нем с непредсказуемыми и яркими эмоциями по отношению к избранному. В нем нет алчности, ограниченности, фоновой злобы, которая обычно является следствием дефектного воспитания. И радости на пустом месте в Борисе тоже не бывает. Все вместе для Марии и есть безусловная адекватность. А его физическая привлекательность закрывает вопрос выбора. Да, это тот человек. Им хорошо в постели и сложно во всем остальном. Ни один из них не умеет и не хочет уступить другому ни в чем. И они не собираются искать удобные и вежливые объяснения. Они ссорятся, обижают друг друга. Он хлопает дверью, Мария отключает на сутки телефон. Дольше они не выдерживают. Она ждет и скучает, он возвращается.

Любовник

Однажды Мария сделала карандашом набросок лица Бориса. Его лицо удобно и приятно рисовать. Четкие линии, точные пропорции, нити морщин, живописные и говорящие. Глаза... Ей долго не давались глаза. Мария рисовала, стирала, оставляла рисунок, уходила пить чай, заниматься другими делами. Решила вернуться к нему после новой встречи с Борисом. Включила телевизор: она любила смотреть фильмы о дикой природе. Ее всегда восхищала красота вольных зверей: их невероятная грация, неукротимая, хищная страсть, которая в один миг оборачивается вершиной нежности, недоступной людям.

Мария легла спать, а среди ночи проснулась и бросилась к своему рисунку. Она рисовала глаза Бориса, рисунок оживал и дышал правдой. Мария закончила работу и поняла тайну Бориса, которую разгадала только сейчас. Она узнала его глаза вечером, когда показали крупным планом роскошного волка. Этот волк посмотрел на нее взглядом Бориса, а ночью они снились ей вместе, в одном существе – волк и Борис.

Да, такой взгляд у Бориса. Незаурядный ум, беспощадное видение цели, холодная суровость, тень коварства, а еще – внезапная и неожиданная нежность. Все вместе – это преданность в самом строгом виде. Преданность тому, что очень важно для человека-волка.

Марии даже в голову не пришло, что подобная преданность может быть адресована ей. Она просто верила тому, что рождается под ее руками. Это часто разгадка самых темных тайн. Нет, отношение Бориса к ней куда проще и скромнее – без надрыва и пафоса. Она его просто устраивает в главном, и он мирится с остальным. Как и он устраивает ее. И они оба не заплывают за буйки. Туда, где настоящая привязанность, где боль от страсти или любви, где кажутся лишними границы личности и разлука – хуже смерти. Упаси бог от подобных отношений. Спасибо судьбе, что не было такой встречи. Пусть и не будет. Мария ценит именно тот формат союза с мужчиной, который получился у них с Борисом.

А чему он предан? Точно не работе. Там он просто находит применение своим способностям и зарабатывает. Бывшей семье? Нет, конечно. Он оставил семью задолго до встречи с Марией и вспоминает редко, коротко и пренебрежительно. Но, может, сыну? Мальчику уже девятнадцать лет, Борис помогал ему поступать в институт. Сын обычно много значит для мужчины. Только не для Бориса. Мария помнит, как Борис пригласил ее в кафе, где решил отметить день рождения Димы. Они были только вдвоем. Борис молчал, Мария аккуратно поддерживала тему, а сын Дима упоенно болтал обо всем на свете. После ужина Борис отвез Диму до его дома, высадил, хлопнув на прощание по плечу, и сказал Марии:

– Тот случай, когда отец ясно понимает, что сыну и наследнику не досталось от него ни одной извилины. И не знает, радоваться по этому поводу или горевать. Дима – дурак. Спасибо, что вынесла этот вечер.

Если Борис и предан кому-то, чему-то, то это он сам. Он предан своей сложной, ни от кого и ни от чего не зависящей особой личности. У Бориса один авторитет – только он. И закон один – его решение. Чужие нравственные нормы, догмы и требования для Бориса – мусор. Впрочем, для Марии он делает исключение: по-дружески уточняет и корректирует то, в чем она, на его взгляд, заблуждается. Так он сказал по поводу ее отношения к Кристине:

– Ты сделала больше, чем могла. Я тебя за это уважаю. Но у тебя не получилось совместить это с собственными интересами. Ты стремишься к собственному забвению. А это непростительная слабость. Пойми хотя бы сейчас. Ты помогла повзрослеть другому человеку. У Кристины все в порядке: здоровье, работа, семья. Она – обыкновенная, ограниченная курица. А ты – неудовлетворенная страдалница в результате. Потому что ты ей больше не нужна, а себя ты ради нее потеряла. Заметь, я ни слова не сказал о вашей любви. Существует она или это твоя иллюзия, – в спокойной ситуации никто не узнает. Такие вещи проявляют только в беде. Наде-

юсь, это никогда не случится. Твоя Кристина замужем за человеком, который способен создать вечное и мертвое болото тихой, обычной жизни. Это его идеал существования. Ты поняла?

Мария поняла, что Антон с первого взгляда вызвал резкое неприятие Бориса. Ее возлюбленный оказался настолько нетерпимым, что это не поколебали ни доброжелательность Антона, ни его родственное к ним отношение, ни редкое, вообще-то, обаяние. Впрочем, в этом, возможно, и дело. Мужчины не доверяют красивым людям своего пола.

А вот она видит что-то общее в этих непохожих мужчинах. Это человеческая избирательность: кажется, у Антона так же мало знакомых и друзей, как и у Бориса. Это склонность к анализу, когда речь идет о других, и скрытность в выражении личных чувств. Антон говорит, что любит Кристину, но в это не очень верит даже сама Кристина. Борис не говорит, что он любит Марию, и это совпадает с ее желанием не слышать лжи и не преувеличивать, не драматизировать простой факт привязанности. Быть может, на короткое время.

Борис пришел к ней поздно вечером. У него было потемневшее, усталое лицо.

– Три дня пытались получить наши грузы из Германии. Доказывали, что ни мы, ни отправители не верблюды. На этот раз отбились. Не доставили им удовольствия отправить наши миллионы и тонны отличных продуктов под бульдозеры. Но как же достал идиотизм! Сейчас у твоего подъезда бабушка выуживала из помойки остатки гнилой еды. Знала бы она про бульдозеры. Ты не обижаешься, что не звоню в таких ситуациях? Не то чтобы ни минуты. Просто не хочется делиться плохим настроением.

– Нет, не обижаюсь. Но обиделась бы еще меньше, если бы ты поделился плохим настроением, тогда я бы знала, что ничего не случилось. Но это неважно. Неудобно звонить – не нужно. Ты же где-то спал в эти дни?

– Дома. По два-три часа. Иногда не помывшись или не раздеваясь. Сегодня на рассвете даже приснилось, что пытаюсь тебя догнать. Как добычу. Не догнал.

Когда он принял горячую ванну, выпил вина, съел бутерброд вместо ужина и с наслаждением закурил в кресле, Мария показала ему рисунок. Он долго рассматривал. Сказал задумчиво:

– Вот как ты меня увидела. Довольно дикое существо. Хищник. В этом суть?

– Не знаю. Так получилось. Я ничего не вкладывала из своих представлений. Только потом почувствовала неукротимость и что-то еще. Позитивную последовательность, что ли. Но я точно не психолог и не аналитик.

– Тебе это не нужно. Ты не в первый раз оказываешься талантливее, чем я предполагал. Не только в рисовании.

Мария удивленно посмотрела на Бориса. Он никогда не делал ей комплиментов.

Друг

У Антона не просто мало друзей. У него был всего один друг. Кажется, ключевое слово теперь «был». Они с Никитой, худым и длинным очкариком, умным не по годам, вместе пришли в первый класс, вместе участвовали на олимпиадах по физике и математике, делили пьедесталы победителей и отличников и в школе, и в вузе. Они даже распределились на работу вместе. Антон с группой работает над своей темой. А Никита стал менеджером, отвечающим за поиск и приобретение оборудования.

Проблемы возникли вдруг и сразу. Сначала Антон заметил неточность своих расчетов и показаний приборов. Затем решил посмотреть документацию. Трудно было представить себе столь банальное и подлое открытие. Деньги на приобретение оборудования явно отмывались. Никита заказывал по бумагам те, которые требовалось, очень дорогие, а ученые получали дешевый заменитель.

У Антона не было выбора. О том, чтобы кому-то жаловаться, разоблачать друга, не было и речи. Он завел сложный и болезненный разговор. Никита сначала отбивался вяло, нелепыми аргументами: «Все так делают», «Думаешь, это только моя выгода, я по системе обязан со многими делиться». А потом пригласил Антона к себе домой.

– Сегодня вечером я один. Попробую что-то объяснить. Никому не жалею на жизнь, но ситуация получилась безвыходная.

После развода с женой и размена общей жилплощади Никите досталась однокомнатная квартира в центре. Антон вошел и недоуменно осмотрелся. Он был здесь давно, сразу после переезда Никиты. Тогда это была прекрасная квартира для одного. В красивых дубовых книжных шкафах – отличная библиотека. Повсюду дорогая техника последних версий. Сейчас как будто все на местах. И при этом ощущение заброшенности и какой-то странный запах. Запах болезни.

Пока Никита варил кофе и готовил тосты, Антон прошелся по комнате, большому холлу, осмотрел ванную. Да, везде какие-то лекарства, бинты, ингаляторы, шприцы. Никита болен? Антон так и спросил:

– Ник, у тебя что-то со здоровьем?

Никита долго молчал. Потом достал свою трубку, набил табаком, придвинул Антону пачку сигарет и пепельницу, произнес:

– Если бы. Знаешь, бывают ситуации, когда думаешь, насколько легче было бы просто умереть. Заболеть самому и умереть. И не выкручивать мозги над тем, как помочь другим.

Антон страдал. Он испытывал почти физическую боль, слушая рассказ Никиты. У него было богатое воображение, он знал всех действующих лиц. Надя – первая жена Никиты, худенькая, нервная, скромная, порядочная женщина, безумно любившая мужа. Петя – его сын, копия самого Никиты в детстве и юности. Очкарик-отличник. Сейчас учится во Франции. Никита говорил, что Петя так и не поверил в реальность их развода с Надей, которая воспитала его в духе обожания отца. И Ольга, вторая жена Никиты. Строгая, молчаливая блондинка – редактор телевидения. Она влюбилась в Никиту так же самозабвенно, как и Надя когда-то. Трудно мужчине судить о достоинствах другого мужчины. Но что-то есть в Никите, что делает его неотразимым для женщин. Антон замечал это и на работе. Секретарши млели, когда Никита с ними разговаривал. Женщины-коллеги без устали окутывали его заботой. В кабинете Никиты вечно оказывались какие-то домашние угощения, фрукты с дачи, графины с домашними соками и вишневой наливкой.

Именно сейчас, во время трудного разговора, Антон попытался оценить друга глазами женщины. Наверное, он понял, в чем секрет такой привлекательности. Серьезное, умное, строгое лицо Никиты с красивыми серыми глазами приобретало выражение необыкновенной доб-

роты и кротости, когда он снимал свои сильные очки. Никита производил впечатление доверчивого и беспомощного богатыря благодаря своей близорукости. Возможно, с нею связана и эта прелестная, почти восхищенная улыбка, с которой он смотрит на женщин. Никита снимает очки, и все женщины кажутся ему красивыми. В школе и институте не было числа его романам.

– Я даже тебе не говорил, – начал Никита. – Все думают, что я просто развелся и просто женился. Спокойные интеллигентные женщины, приличные отношения. На самом деле это война. Кровавопролитная война с возможными смертями.

Никита развелся с Надей не потому, что полюбил Ольгу. Он не видел ничего плохого в романе на стороне. До развода довела Надя своими невероятными сценами ревности. Никита боялся за психику сына. Он все устроил, как ему казалось, лучшим образом: жене и сыну отличную двухкомнатную квартиру неподалеку, Петю отправил учиться во Францию, бывшей семье достойное содержание. Женился на Ольге, которая ради него оставила квартиру и двоих детей мужу. Но его женитьба свела Надю с ума.

– У нее просто крышу снесло. Я всерьез начал думать о психиатрах. Она врывалась к нам, была все, что попадало под руку, кричала страшные вещи. Проклинала Олю. Знакомые говорили, что она бегала к каким-то колдунам, напускала на Олю порчу. Человек с высшим образованием!

Никита встал, подошел к столу, нашел снимок и показал его Антону. Антон смотрел с ужасом. Он с трудом узнавал Надю в истощенной старухе с погасшим взглядом и сухими, страдальчески поджатыми губами.

– Что это? Неужели из-за переживаний?

– Сначала да, конечно. Сейчас все плохо. Четвертая стадия. Рак. Довела себя назло мне. Долго скрывала, «чтобы вы не радовались». Петя что-то заметил и рассказал. Я долго бился за то, чтобы разрешила помогать. Дальше нечего особенно рассказывать. Это и без слов понятно. Деньги и операции. Обследования, лечение и деньги. Шансы у врачей в других странах – и деньги. Но это не все мои проблемы, Антон. Ты не поверишь, но у Надиных проклятий и сглазов получился результат. У Оли тот же диагноз, она сейчас в онкоклинике. Мы с ней идем по тому же кругу. Попытки и деньги. Деньги и попытки. И Олину боль я вижу, чувствую, переживаю, в отличие от боли Нади. Оля мучается на моих глазах.

– Действительно, что-то невероятное. Прими мое сочувствие. Если я чем-то могу помочь, я всегда к твоим услугам. Один диагноз у таких непохожих женщин. Надя могла себя довести до этой беды своими нервными реакциями, склонностью посыпать солью собственные раны. Но Ольга такая спокойная.

– Не совсем, – уточнил грустно Никита. – Оля оказалась такой же ревнивой. Подслушивала телефонные разговоры, искала подозрительные письма и СМС. В отличие от Нади не скандалила, а держала все в себе. Потому не сразу заметила страшные симптомы. В общем, они казались разными, а стали одинаковыми. Наверное, это мой крест – мучиться с неврастеничками. У обеих получилось, что я – чуть ли не убийца. Так же думает и Петя, что самое ужасное. Пытаюсь делать что могу.

Они говорили долго, Антон переживал за друга, за обеих женщин, очень хотел помочь. А потом резко перешел к делу, которое его привело сюда.

– Никита, твое положение ужасно, драматично. Я уже предложил свою поддержку и помощь. Насчет наших проблем скажу вот что. Я тебе не суд и не прокурор, мне не нужны наказания за то, что уже сделано. Но с этой минуты я начинаю ждать твоих действий по исправлению ситуации. Не моя проблема, как ты будешь объясняться с подельниками. Но с завтрашнего утра деньги, выделенные на оборудование, должны идти только на него.

– Это ультиматум? – уточнил Никита.

– Да.

– То есть отныне ты будешь за мной следить и, если что, – стукнешь? Как старый друг?

– Я не на тебя стукну. Я сделаю все, чтобы не страдала моя работа. Наша работа. Наука в целом. Это понятно?

– Только давай без пафоса. Мне понятно одно: ты объявил мне войну, когда я оказался в безвыходной ситуации. Те, кого ты назвал «подельниками», на самом деле опасные люди. А мне нужно думать о своей жизни, потому что без меня Оля и Надя тоже погибнут.

– Мое положение тоже безвыходное. Все именно так, как я сказал.

– Война так война, – спокойно подытожил Никита. – Рано или поздно мне все ее объявляют. Я поборюсь. Может, и тебе придется узнать, что такое страх за жизнь человека, который полностью от тебя зависит. Вали, Антон. Нам друг с другом все ясно. Если можно, не торопи. Это все, что от тебя требуется. Помощи не приму.

Подруга

Лучшую подругу Кристины звали Лионелла. «Мама так выпендрилась», – смеялась Лионелла, представляясь. Ее внешность до смешного соответствовала манерному имени. Лионелла была очень худой, что достигалось ценой мучительных диет. Она носила только обтягивающую одежду и обувь на высоком каблуке. На лице, которое с подросткового возраста разглаживалось, чистилось и подтягивалось пластическими хирургами, не было ни морщинки, ни пятнышка. Неестественно бледная и гладкая кожа освещалась голубыми глазами. Губы были правильные, в меру подкачанные, всегда розовые и блестящие. Никаких кардинальных, неправимых внедрений в природные черты, но неустанное совершенствование и истребление мелочей, которые были заметны только самой Лионелле.

Кристина иногда думала: можно ли считать Лионеллу красивой? И не находила ответа на свой вопрос. Красив ли пластмассовый цветок, который в точности похож на настоящий? Это вряд ли. А думала об этом Кристина в такой связи: Лионелла не пользовалась успехом у мужчин, несмотря на то, что все изъяны внешности истреблялись на корню. Или именно по этой причине. Возможно, то были не изъяны, а приметы индивидуальности Лионеллы. Сейчас по ее внешности невозможно сделать ни одного вывода относительно ума и характера. Да и запомнить такую разглаженную внешность, наверное, сложно. Беда чересчур ухоженных женщин в том, что они идут отрядами: каждый отряд из-под своего пластического хирурга. Это инкубатор.

Когда Лионелла предлагает Кристине своих мастеров, та со смехом отбивается: «Ты что! Я боюсь». А сама удовлетворенно думает: «Какое счастье, что Мария не дала мне сделать из себя пластмассовую куклу. Сейчас бы замучилась тратить зарплату на ежедневный ремонт».

Во всем остальном они с Лионеллой подходят друг другу. Работают в одном министерстве секретарями в соседних отделах. У Лионеллы состоятельные родители, и эту работу она выбрала с одной целью – удачно выйти замуж. Собственно, как и Кристина. С одной разницей. Кристина обязательно должна была влюбиться, а Лионелла считала, что это в принципе не условие для брака. Возможно, даже мешает трезво оценить достоинства избранника и выгоду от союза с ним. Но за все годы работы в министерстве за ней ухаживали только случайные, заезжие посетители. В основном восточные мужчины, которые не преследовали цели жениться. А нравились Лионелле картинные голубоглазые блондины. Просто нравились.

На нечастых вечеринках, на которые Кристина ходила с Лионеллой до замужества, она наблюдала одинаковые сцены. Лионелла при виде своего эстетического идеала начинала неестественно смеяться, неудачно шутить и принимать соблазнительные позы, которые на самом деле были далеки от соблазна. А кончалось это тем, что к ней приставал очередной брюнет с усами, а объект ее внимания ни о чем не догадывался. На этих вечеринках даже скромная и сдержанная Кристина пользовалась большим успехом. Лионеллу это озадачивало и удручало. Но она никогда не переносила разочарование на Кристину. Они обе ценили свою дружбу.

Точнее всех определила суть их дружбы Мария.

– Лионелла производит впечатление манерной кривляки, но ее искусственная внешность и такое же поведение скрывают суть. У нее есть моральные принципы, она отторгает грязь и низость. Я думаю, вы не случайно подружились. Порядочность стала довольно редким свойством. Кстати, тебе не кажется, что в Лионелле есть какой-то скрытый пласт? Может, она сама об этом не догадывается.

– Нет. А что это?

– Даже не знаю, как определить. Как-то пыталась набросать ее портрет. Это потребность в сильном чувстве. То, что она на словах отвергает. А потребность в ней есть, нужен лишь

толчок, чтобы взорвались все границы. Она слишком старается ровно пройти по гладкой отглазированной дорожке. Может не получиться.

Кристина вспомнила слова Марии, когда познакомила Лионеллу с Антоном. Он уже был ее женихом. Лионелла на мгновение оцепенела, не сразу смогла ответить на приветствие. Да, она была потрясена. Хотя Антон и не был голубоглазым блондином. Но, как стало понятно, те нравились Лионелле чисто теоретически. А в Антоне ее поразило что-то другое и совсем иначе, что стало неожиданностью для нее самой.

– Поздравляю, – сказала она Кристине, когда Антон ушел. – Я даже не знала, что такие мужики бывают. Наверное, из-за таких умирают. Я, наверное, не хотела бы, – она попыталась и не смогла улыбнуться.

После свадьбы чаще всего только Лионелла и приходила к ним в гости на праздники и дни рождения. В присутствии Антона она была очень немногословной, сдержанной, тихой. Явно боялась произвести плохое впечатление.

– Тебе нравится Лионелла? – спросила однажды мужа Кристина.

– Скорее, да, – по обыкновению обстоятельно ответил Антон. – Это самостоятельный, полноценный человек и страшно закомплексованная женщина. Второе несколько не мешает нормальному человеческому контакту с ней. Она меня не раздражает, более того, ее присутствие не надоедает. А это огромный плюс. Значит, в ней есть человеческая деликатность.

Брат

Степан, брат Антона, моложе его всего на год. Погодки – это почти близнецы. Но не в их случае. Более непохожих людей – внешне и внутренне – не придумаешь.

Антон, темноглазый, стройный, красивый, с детства был вдумчивым, чувствительным, сосредоточенным на чем-то очень для него важном. Он осторожно радовался и старался скрывать тревожные предчувствия.

Андрей Петрович, отец, считал, что его старший сын унаследовал прекрасную природу матери и его собственный интеллект. Он любил и безумно жалел свою жену Анастасию, которая после двух удачных родов расплатилась за детей тяжелой болезнью: костным туберкулезом.

У Анастасии было круглое лицо с большими темными, страдальческими глазами. Она мужественно несла крест постоянного преодоления боли. Старалась каждую минуту подпитывать своей любовью и заботой близких. К первенцу Антону она относилась с уважением, как ко взрослому человеку, который в чем-то выше ее. Ее поражали его ум, серьезность и красота. И это же было дистанцией между ними. Анастасия немного побаивалась и стеснялась своего сына: она самой себе казалась слишком простой для него. Отчаянную, самую горячую материнскую любовь Анастасия отдала младшему сыну – Степану, и в этом была женская горечь из-за того, что на нем оборвалось ее материнство. Дочки, о которой она мечтала, больше не будет.

Степан вырос на дрожжах материнской любви добродушным увальнем с открытым, грубоватым лицом, громким голосом, постоянной широкой улыбкой и лукавым выражением светло-серых глаз. Анастасия сделала все, чтобы ее младший сын не чувствовал себя менее красивым и умным, чем брат. Отец отводил глаза и часто морщился недовольно, когда слышал ее восторженные похвалы Степану по самым обычным поводам.

Отец отдал свое сердце Антону. И эта привязанность становилась все крепче по мере того, как таяла Анастасия, большая любовь его жизни.

Наступил день, когда сила родительской любви победила справедливость, и семья вступила в свою первую и главную драму. Андрей – серьезный ученый, известный литератор и владелец особняка не одного поколения, – написал завещание в пользу одного Антона. Степану полагались лишь ежегодные выплаты с капитала от старшего брата.

– Настя, дело не в моей пристрастности, – объяснил он жене. – Дело в интересах их обоих. Антон – ответственный человек, и мы видим, как он последовательно и с умом строит свою жизнь. Степан таким человеком не стал и вряд ли станет. Он с удовольствием доверил свою судьбу будущей жене. А я ей не доверяю, родственницей не считаю. И обязан защитить от нее и состояние рода, и независимость Антона. Ты сама видишь, какая алчная и жестокая наша невестка Оксана. Этот брак не надолго. Антон брата в беде не оставит, если что.

Анастасия не имела обыкновения спорить с мужем и даже подвергать сомнению его действия. Она просто до смерти горевала и тосковала из-за того, что ее любимый Степа все же пострадал в невыгодном сравнении с братом. Она не сумела это преодолеть. И переживала: то ли еще будет, когда она сама скоро совсем оставит своих мальчиков. Оксана на самом деле недобрая и корыстная. Антона же больше волнует наука, чем брат.

Братья на самом деле не встречались годами, ограничиваясь разговорами по телефону. В последний раз они встретились на похоронах матери. Степан впервые видел Антона плачущим. Они почти не говорили. Немногочисленные гости на поминках выражали соболезнования, главным образом отцу и Антону. Антон и занимался, как хозяин, всеми формальностями и делами. И он был убит и безутешен, как осиротевший ребенок. Степан и Оксана молча осматривали особняк. Степан как будто прощался с домом своего детства. Отсюда навсегда ушла его главная защитница.

Невестка

Оксана очень подходила Степану. Такая же простоватая, не худая – не толстая, скромно и современно одетая, веселая и общительная блондинка. Но при ближайшем знакомстве была заметна и разница между ними. Оксана не демонстрировала открытость и радушие в отличие от мужа. Он с возрастом оставался в обжитом и удобном образе добродушного увальня, готового последнюю рубашку отдать за дружбу и любовь. Оксана была спокойной и собранной в любой ситуации. Она охотно общалась с теми, кто ей нравился, но явно старалась доминировать. У нее на все случаи жизни были рецепты и железные выводы. Чаще всего они оказывались плоскими банальностями, не имеющими практического значения. Но дарила их Оксана, как крупницы народной или чьей-то авторитетной мудрости.

На свадьбе Кристины и Антона она затеяла дискуссию о сути любви и брака, которая превратилась в ее монолог. Антон, обычно внимательный и деликатный, прервал ее речь на фразе: «Многие считают любовью невротические отношения с придуманными переживаниями. А любовь супругов – это сотрудничество с ясными целями».

– Я предлагаю на этом официальную часть нашего мероприятия закончить, – сказал он с насмешливой улыбкой. – Хотелось бы, чтобы нам в порядке исключения оставили право переживать, хотя бы в первую брачную ночь.

Оксана бросила на него злой взгляд, но тут же улыбнулась и произнесла: «Разрешаю». Но до конца вечера была молчаливее, чем обычно. Простилась с новобрачными сухо.

– Зря ты так, наверное, – сказала Антону Кристина. – Оксана будет дуться на нас.

– Ничего. Ей достаточно такой благодарной аудитории, как мой брат, которому нравится пялиться на жену, как на новые ворота. На самом деле эта женщина в считанные дни разрушила в нем искренность, воспитанную мамой. Они стали единым, достаточно лицемерным целым. Я знаю, когда мой брат говорит правду, когда лжет. Теперь он лжет даже по такому смешному поводу, как цвет глаз жены. Степа говорит, что глаза у нее синие. Синие! Эти тусклые, недобрые глазенки блеклого цвета.

Кристина была потрясена. Она впервые слышала от Антона такие резкие слова о другом человеке.

– Ты так ее ненавидишь?

– Я мог бы ее возненавидеть, если бы у нас по-прежнему была общая семья. Оксана для нее враждебный элемент. Я даже боюсь ее встреч с отцом: ее слишком интересуют его финансовые дела. А папа в своем одиночестве стал очень ранимым, да и сердце сдает. Но у нас больше нет семьи. Степан сделал свой выбор, и мы стали разными людьми с общим прошлым.

Родственные отношения братьев внешне оставались неизменными. Праздники, дни рождения, появление сына у Степана и Оксаны. Мальчик до смешного был похож на отца, но уже первые слова произнес с маминой назидательной интонацией.

Кристина больше не задумывалась о сути этих отношений, о той дистанции, которая разделила их семьи. А Мария сделала свой вывод после дня рождения Кристины.

– Я весь вечер наблюдала за вами. Думала о том, как меняется человек, когда теряет свою автономность. В союзе мужчины и женщины один чаще всего доминирует. Дальше все зависит от того, охотно ли подчиняется другой. Если не подчиняется, наверное, – война. Если есть согласие и невидимая моральная диктатура, то все зависит от содержания и намерений невольного диктатора. В вашем случае это Антон. Сложный, принципиальный, даже брезгливый во многом человек, который склонен к сомнениям и терзанию по любому поводу. Ты рядом с ним стала взрослее, интереснее и глубже. У тебя даже взгляд бывает как у Мадонны, – одухотворенный, кроткий и ждущий. А Степан – отражение своей жены. Хохотун и балагур с лукавым и

непроницаемым взглядом. Скажешь им фразу, задашь вопрос, и слова отлетают от них обоих, как от металлической стены. Вы вместе стали, наверное, уязвимее, они – непрошибаемыми.

Крестину согрели эти слова Марии. Вот чего она не боялась, так это потерять свою незначительную индивидуальность. Она счастлива быть отражением Антона. И главное: если Мария сказала, что Кристина стала интереснее и привлекательнее с Антоном, – значит, так и есть. Мария не говорит того, чего не думает. Она вообще строга в оценках. Кристина в глубине души даже рада, что брат Антона ему не близок. Она бы его ревновала. А сейчас даже Марии видна прочность их союза. И как хорошо, что у Марии есть теперь Борис. Кристина не может делиться своим сердцем даже с ней. Оно принадлежит только Антону.

Часть вторая. Тучи сгущаются

Покушение

Частный детектив Сергей Кольцов зашел ярким июньским утром в кабинет друга, полковника Земцова, конечно, без особых причин. Просто рассказать, что солнце встало. Слава был рад. Друг всегда освещал его унылый казенный кабинет. Выглядел Сергей, как всегда, жизнерадостным и энергичным, под пшеничной волной волос синие глаза и лицо, уже покрытое качественным загаром.

– Ты не во Флориде, случайно, загорал? – спросил Слава, доставая из холодильника две банки пива.

– Почти, – серьезно кивнул Сергей. – Закрытый карьер за Мытищами. Там окопались неизвестные люди, что-то рыли по ночам. Пришлось сидеть в засаде трое суток. Загорал. Они стреляли. Были трупы, но вопрос решился, наконец. Склад наркотиков прикрыли. А ты как? Работы много?

– Это сегодня у тебя шутка такая?

– Да. Не смешно? Я, конечно, в курсе. Слежу за вашими подвигами. Слава, а вот это не у вас? Вы не занимаетесь этим делом?

Сергей положил перед Земцовым газету, в которой была обведена красным фломастером заметка криминальной хроники. «В Москве этой ночью неизвестный напал на ученого-физика Антона Сереброва. Его ударили в спину острым режущим предметом. Задето сердце и легкие. Нападавший скрылся, жертва в коме. Врачи оценивают состояние как крайне тяжелое».

– Я это видел, – неохотно сказал Земцов. – Дело в отделении, сотрудники которого обнаружили. Не вижу сложности, и пока нет трупа. Мы все же отдел по расследованию убийств. Неужели тебя успел кто-то нанять? Через несколько часов после нападения?

– Для начала замечу, что труп – дело времени. Это точно покушение на убийство. Я спрашивал у хирургов: там миллиметра-двух не хватило для мгновенной гибели. А вопрос со мной и вовсе интересный. Меня наняли недели за две до этого происшествия. Отец жертвы. Андрей Петрович Серебров, довольно известный профессор-филолог. У него были основания полагать, что старшему сыну угрожает какая-то опасность. Просил незаметно для Антона поискать источник угрозы рядом с ним. Это было не очень сложно: у человека не так много контактов. Узкий круг общения. Очень строго очерченная жизнь. Я успел лишь немного составить представление о подводных течениях жизни Антона Андреевича Сереброва. И вот такая неприятность. Покушение.

– Сейчас нет времени выслушивать полностью твой доклад по делу. Но начало интересное. Я, как и ты, питаю слабость к культурным людям. Особенно когда они начинают охотиться друг за другом. Да, работаем вместе. Продолжай рыть. Я подпрягусь в нужное время. Сейчас запрошу дело.

– Очень рад, мой генерал.

Сергей пожал Земцову руку и вышел. Он был благодарен другу. Дело не только в хорошем клиенте, интересном деле. Сергей очень жалел Антона Сереброва. Он не должен был ничего знать о криминале. На редкость добрый и красивый человек. Не так давно женился. И такой же у него отец. Хрустальный интеллигент, точнее не скажешь.

Кристина

Я проснулась в семь утра и поняла, что все же провалилась этой ночью в сон. Но я спала чуть больше часа. Было пятнадцать минут шестого, когда я в очередной раз посмотрела на часы, прежде чем закрыть глаза.

До двух часов ночи я бродила по квартире, постоянно набирая номер Антона. Он был доступен, просто не отвечал. Потом – вне доступа, видимо, телефон разрядился. Я выпила стакан воды, умылась и легла. С трех часов ночи я провожала глазами каждую минуту. А в голове тикала одна мысль: «Случилось».

Ни разу за три года брака Антон не приехал домой после двенадцати. Когда задерживался, всегда звонил.

В восемь утра позвонил Андрей Петрович и сказал, что на Антона ночью напали. Что нашли его в другом районе, хотя его машина была у ограды нашего дома.

А через час мне позвонили из полиции, сообщили, в какой Антон больнице. Я не могла ни думать, ни чувствовать. Странное ощущение пустоты. Как будто все не со мной. Я даже не представляла, как добраться до больницы. Натянула джинсы, майку, спустилась к своей машине, но не смогла ее завести. Я расплакалась от беспомощности и позвонила Марии. Она охнула и пообещала, что сейчас спустится с ключами от своей машины.

Мария подогнала свою машину, вышла, и я испугалась. Она была страшно бледная, волосы растрепанные, глаза горели, губы тряслись. Мария была похожа на иллюстрацию смерти. И говорила бессвязно: «Быстрее. Ты должна ехать туда быстрее. Меня с тобой не пустят. В реанимацию только жену... Сразу звони. Звони, ты слышишь?! Я жду».

Всю дорогу я вяло думала лишь о том, что Мария не пыталась меня утешить и подбодрить. Не представляла себе, что ее так потрясет известие о том, что с Антоном что-то случилось. Но может, она знает больше? Она всегда знает больше других. Может, он уже не в реанимации? Вдруг Антон... умер? Что еще могло так испугать Марию?

С трудом нашла эту больницу, шла по коридору, с трудом переставляя ноги, как по туннелю, забитому ватой. Пахло йодом и другим светом. Ко мне вышли, что-то говорили. Никуда не пустили, только взяли телефон.

Я решила обдумать всю информацию дома. Только, когда закрыла все двери, сбросила с себя пропахшую несчастьем одежду, сумела вспомнить все по порядку, как мне рассказали. Антона нашли в восточном районе Москвы истекающим кровью. Удар нанесли в спину. Задеты сердце и легкие, он без сознания, надежды мало, но оперировать будут. Кто и почему это сделал – неизвестно. Мне придется отвечать на вопросы полиции, иначе убийцу не найдут.

Не знаю, сколько часов я просидела без движения. Вдруг очнулась и почувствовала, что очень хочу есть. Вынула из холодильника все, что можно было сразу кусать и глотать, и положила на стол без тарелок. Я жадно ела колбасу, откусывала хлеб от целого батона, жевала холодные, безвкусные котлеты. Я грызла все это, как будто пришибленный организм требовал подтверждения того, что я жива. Что я буду жива, даже если Антона не спасут. Я не видела его, я еще не могла представить себе его боль, душа еще не рвалась от жалости. И для жалости тоже нужны силы. А силы вытекли из меня.

Я продолжала жевать, когда в дверь позвонили. Это пришла Мария.

Она была все такая же белая, посмотрела на меня изумленно, прошла в кухню, увидела остатки моего дикого обеда и почти закричала:

– Что ты делаешь?! Ты, наверное, сошла с ума! Сидишь и жрешь, когда муж умирает? Ты даже не сказала мне, жив ли он. Я звоню туда, но мне не дают справок. Ты забыла, что забрала мою машину. Я, как в клетке, не могу никуда поехать, узнать, спросить...

Мария никогда на меня не кричала. Но и беды такой у нас с ней не было после смерти моих родителей. А тогда мы тоже по-разному реагировали. Мария рыдала, узнавала, звонила, требовала чего-то для меня. Опять рыдала, уже от жалости ко мне. А я была заторможенная и отупевшая. И да, я и тогда хотела есть. В холодильнике остались только помидоры. Я сидела и ела один за другим, сок стекал по мне, как жидкая кровь. Только, когда какая-то тетка произнесла слово «детский дом», я подумала, что лучше бы погибла с родителями в машине. Мария меня спасла.

– Успокойся, Мария, – пробормотала я. – Антон пока жив. Нехорошо так убиваться по живому. Да, я хочу есть. И я жду, когда ты все узнаешь и расскажешь мне. Как всегда. Я без тебя не знаю, что мне делать.

Мария сразу замолчала, подошла и прижала меня к себе. Мне стало теплее. Я под ее взглядом согреваюсь, как под лампой накаливания. Какая же она прелестная всегда, моя молодая неродная мама.

Андрей Серебров

Сергей Кольцов посоветовал мне не ездить пока в больницу. Сегодня к Антону не пустили даже Кристину. Он позвонил и сказал:

– Не беспокойтесь, я буду держать вас в курсе. У нас все хорошо: дело запросил отдел по расследованию убийств, с которым я сотрудничаю. Полковник Земцов – мой старый товарищ, он не оставляет открытых вопросов. И старайтесь без необходимости не выходить из дома. Дверь чужим не открывайте.

– Вы считаете, мне что-то угрожает?

– Пока нет. Просто обычная предосторожность.

Забавный парень. «У нас все хорошо». Лучше не бывает! Антон в коме, надежда мала, зато друг-полковник не оставит открытых вопросов. Потом.

Я в тысячный раз обхожу дом. Проверяю свои тайники, условно говоря. У меня нет сейфа, нет скрытых богатств. У меня вообще нет богатств по нынешним понятиям. Документы на дом, мое завещание, номера двух счетов: рублевого и валютного – я держу в старинном дубовом бюро. У него надежный замочек, ключ от которого находится в тумбочке у моей кровати. Это известно всем родственникам.

Не помню, почему я вдруг решил все проверить недели две назад. Взял ключ, открыл бюро. На верхней полке – документы, на нижней письма, фотографии, мои записи, дневник жены. Все, что представляет для меня ценность. Я проверил наличие документов. Просмотрел все не раз и не два. Все на месте, но я был уверен, что кто-то побывал здесь без меня. У меня есть свои секреты хранения документов. Точно помню не только то, в каком порядке положил, но и каким образом. Старая привычка, появившаяся со времен «тихушников», которые охотились на диссидентов. Один документ кладу правильно, сверху другой – уже в перевернутом виде. Между ними кусочки тонкой шелковой нитки. Да, у меня пошарили. Не так лежали даже письма, альбомы и дневники.

Кто? Это даже не вопрос. Точнее, вопрос в одном: Степан это был или его жена Оксана с ее острым, воспаленным от постоянного вынюхивания носом? Это нелогично, конечно, но мне хотелось бы думать, что она. Хотя я прекрасно понимаю, что без ведома и участия Степана она бы на такое не пошла. Или пошла бы? А почему нет? Степан при этой женщине играет вспомогательную роль.

Так чего она или они добились, проверив документы? Ответ тоже на поверхности. Они проверили, не изменил ли я завещание.

Я так мучительно думал в тот день, что у меня поднялось давление. Жар сменялся ознобом, я практически довел себя до паники. Мне не хватало опыта, специальных знаний, чтобы оценить опасность активной алчности в семейном кругу. Это чем-то грозит, к примеру, мне? Откровенное желание младшего сына и его жены прибрать к рукам и дом, и мои скромные сбережения? Нет, пока завещание неизменно, моя смерть им не нужна. Но... О боже! Под угрозой Антон! Это я его поставил в такое положение. Он стоит между наследством и братом.

Я понимал, что схожу с ума от одиночества. Подобные конфликты интересов существуют во многих семьях, но люди определенного, приличного круга справляются с этим на уровне эмоций. Почему же меня так мучает предчувствие беды? Объясню. Антон – совершенно необычный человек. Он, сам того не желая, способен вызывать острую неприязнь у людей ограниченных и злобных. В нем есть непреклонность совершенства. Я допускаю, что именно это может спровоцировать акт настоящей агрессии. Мои деньги, дом – очень дорогой по нынешним ценам, сам факт моего предпочтения – это возможный толчок. К чему – не знаю. Не силен в науке криминалистике. Не люблю дилетантов и не пытаюсь сам делать безграмот-

ные и нелепые выводы. Такими подозрениями стыдно делиться даже с близкими друзьями, но есть ведь специалисты, к которым можно обратиться, как обращаются к врачам.

Друзьям я позвонил якобы по поводу подозрительных личностей, которые появились в поселке и крутились вокруг моего дома. И к вечеру у меня был телефон частного детектива Сергея Кольцова.

Сергей приехал ко мне почти ночью. Оказался приятным и умным парнем. Рассказал между делом о маме-учительнице, которая привила ему уважение к людям науки. Я никогда не встречался с людьми странной профессии – детектив, а этот человек нисколько не напоминал ни Шерлока Холмса, ни Эркюля Пуаро, поэтому я сначала испытал довольно сильное разочарование. Но надеялся на то, что не в интересах частных детективов разносить чужие тайны, и рассказал о том, что меня тревожит, все объяснил и показал.

В процессе своего монолога понял, что так хорошо слушать может только очень серьезный, многое знающий человек. И вопросы его мне понравились. Сергей безошибочно улавливал главное, самое болезненное и острое. И это касалось не только фактов. Фактов у меня и не было толком. Ерунда: ниточки, не так легли бумаги.

– Проблема в том, что вам мало известно о других сторонах жизни сыновей, – сказал Сергей, когда наш разговор подошел к концу. – Мы обсуждали только семейный, не явный конфликт. Насколько я понимаю, вопрос с завещанием не вызвал открытых ссор. А у вашего старшего сына есть, разумеется, и другие отношения – личные, производственные. Если речь о том, чтобы я проследил за действиями только вашего младшего сына и его жены – это один вопрос, и это не займет много времени. Но если вас интересует факт безопасности Антона в принципе – это дело другое. Больше проблем. Пока не знаю где искать.

– Разумеется, безопасность в целом, – ответил я. – Не знаю, встречались ли вы с таким вздором, как предчувствие. Предчувствие больного старика, у которого нет ничего, кроме этой любви. К одному из сыновей.

– Встречался, – коротко сказал Сергей. – Все нормально, Андрей Петрович. Предчувствие – это связь развитого интеллекта с тем миром, о котором интеллигентному ученому мало известно. В нем бывает всякое. И это как раз по моей части. Буду рад помочь. Постараюсь не опоздать.

Да, он произнес эту фразу: «Постараюсь не опоздать». То есть мое предчувствие нашло в нем отклик. Я знаю, что Сергей работал напряженно, доклада я от него не требовал, но он изучал какой-то рабочий момент, говорил о конфликтной ситуации. Его интересовал круг знакомых жены Антона, их общие друзья. И я не могу винить его в том, что он опоздал. Вина моя. Надо было обратиться раньше, а не тогда, когда приближающаяся беда обдала меня огнем догадки.

Вечером мне позвонил Степан. Он был потрясен и встревожен, так мне показалось.

– Почему ты мне сразу не позвонил, отец? Я узнал из новостей о том, что случилось с Антоном!

– Извини, было не до звонков. Какие звонки, я дышать боюсь, чтобы не пропустить главного известия: удалось спасти или нет. Больше ничего для меня не существует.

– Это ты извини, – сухо сказал Степан. – Я забыл о том, что для тебя ничего и никого не существует, кроме Антона. Не нужно ничего рассказывать, узнаю все сам. Кстати, мне только что позвонил следователь, сказал, что нужно ответить на вопросы.

Лионелла

Сказать, что я в шоке – это ничего не сказать. Меня даже тошнит: выпила кофе, и голова закружилась.

Случилось такое... Никак не могу поверить. Расскажу по порядку.

Я никогда не читаю газет, а по телевизору смотрю только шоу про светские скандалы. Прихожу с утра на работу, через час обычно навещаю Кристину. Мы стараемся не занимать служебный телефон. Но сегодня ее на месте не оказалось, а вчера она не предупредила, что задержится. Я ушла, еще через час заглянула. Кристины по-прежнему не было. У ее стола стояла гримза – заместитель начальника, ее за глаза все зовут только по фамилии – Осипова. И она заявила:

– Перестаньте тут мелькать. Вашей подруги сегодня не будет. В ближайшие дни, полагаю, тоже. Вы что, не в курсе, что случилось?

И, ничего не объяснив, прошла мимо меня, чуть не поцарапав меня своими страшными очками. Я вышла в коридор, открыла первую же дверь одного из отделов и даже рот не успела открыть, как на меня обрушилась информация. Оказывается, все в министерстве уже знали. Это передавали по телевизору, это было написано в интернете и утренних газетах.

Когда я шла к себе, даже не думала, что меня так накроет. Но нашла все в интернете, и эти заголовки: «Покушение на убийство ученого», «Нападение на Антона Сереброва», «Жизнь Сереброва в опасности» – они привели меня в неопиcуемый ужас.

Кто-то пытался убить Антона? Он, может быть, уже умер? Бандита ищет полиция, они вызывают, наверное, на допрос всех, кто знает Антона. Там было написано: следствию требуется помощь очевидцев.

Кто такие очевидцы? Я даже полезла в Гугл за справкой. «Очевидцы – это люди, наблюдавшие за какими-то событиями». Непонятно. Это только те, кто видел, к примеру, нападение своими глазами? Или те, которые просто видели события чьей-то жизни и как-то участвовали в ней? Если второе – то это ко мне.

У меня тряслись руки, я не могла печатать, вздрагивала от каждого телефонного звонка. Была мысль позвонить Кристине, но это, конечно, сейчас самое глупое. Что сказать: «Я знаю, я тебе сочувствую»? Какая дурь лезет в голову!

Я зашла к начальнику, сказала, что отравилась, срочно нужно к врачу. Он меня отпустил. Не помню, как оказалась дома. Хорошо, что родители уже на даче. Я достала бутылку виски из бара, сделала пару глотков из горлышка и села думать. Говорить ли полиции про Автандила?

Мне давно казалось, что от Автандила надо избавиться. Но не так это легко девушке, у которой совсем негусто с поклонниками. А он далеко не самый худший вариант. Красивый, хотя мне такой типаж не нравится. Высокий, накачанный. Всегда брендовые шмотки. Черные глаза, и взгляд, который обычно называют «масленный». Главное же достоинство Автандила – это его папа – очень важный человек. Кто-то говорит, что он бизнесмен, кто-то – что криминальный авторитет. Но денег у Автандила очень много.

Познакомились мы примерно год назад, его кто-то привел к нам на корпоратив, с тех пор он за мной ухаживает. Не так, как в кино, конечно. Вокруг Автандила всегда толпа девиц – модели или проститутки, а он напоказ выделяет меня. В день рождения, на Восьмое марта, на Новый год мне на работу курьеры тащат корзины роз. Внутри всегда самые модные и дорогие духи, сумочка или что-то еще от «Гуччи» или «Кардена». Кто от такого откажется? Тем более он долго ничего не требовал взамен. Как будто подсаживал на подарки. Только через три месяца знакомства Автандил пригласил меня на какую-то вечеринку. Мы там были как пара, без его обычной свиты. После вечеринки он целовал и обнимал меня. Но не торопил. Сказал:

– Мне нужно, чтобы ты сама решила, что я тебе нужен. Я подожду. Но одно условие: голову мне морочить не получится. Или сразу «нет», или «да». Других мужиков я не потерплю.

«Нет» я, конечно, не сказала. Но и «да» говорить не торопилась. Что-то наплела про обычаи нашей семьи, про строгое воспитание. А месяц назад он пригласил меня на день рождения, привез к себе. Квартира у него шикарная, обстановка роскошная. Мы пили очень вкусное коллекционное шампанское. Сейчас я думаю, что Автандил в него что-то добавил. Какой-то наркотик.

Я вручила ему подарок – французский мужской парфюм. А он... Он меня добил. Достал коробочку из белого бархата и положил мне в руку. Я открыла – боже мой! Сверкающий, обсыпанный бриллиантами медальон от «Картье».

Конечно, сразу после этого мы оказались в постели. Автандил был красив, как статуя Аполлона. Только мне не было с ним ни капельки приятно. Грел и кружил голову наркотик. Но я хотела только одного: поскорее удрать из этой постели. Он, кажется, что-то понял. Мы сидели потом за столом, и я, несмотря на страшную усталость, все время чувствовала его недобрый взгляд.

Потом я совершила страшную глупость. Автандил спросил меня, почему я до сих пор не замужем. И я, чтобы он не подумал, что меня никто не звал, стала говорить, какого мужа хотела бы. Даже не так: я вдруг рассказала о том, какими бывают мужья. Точнее, один. Муж моей подруги Кристины. И в первый раз вслух кому-то стала описывать Антона. Очнулась, когда Автандил резко вскочил и выругался по-грузински. Я поняла по звучанию слов и по выражению его лица, что это ругательства. И поняла, что я наговорила лишнего.

В тот вечер он отвез меня домой и надолго исчез. И вдруг вернулся. Вел себя, как будто мы сто лет любовники, – решительно и властно. Предложил пойти в ресторан с моими друзьями – Кристиной и ее мужем. Кристина охотно согласилась и Антона быстро уговорила. Он приехал, но сразу предупредил, что сможет пробыть недолго: у него на вечер очень много работы.

В ресторане говорили в основном мы с Кристиной. Антон иногда вставлял ремарки. Он так мило шутил, так красиво улыбался... Мне казалось, я расцветаю от его присутствия. Но это очень быстро закончилось. Они с Кристиной ушли, я осталась напротив Автандила. Посмотрела на его злое, мрачное лицо, и мне стало грустно и тошно. Наверное, он все понял.

Он повез меня домой, всю дорогу молчал. Остановил машину у моего подъезда, вышел сам и смотрел, как вылезает я. Помочь и не подумал. Затем прижал меня к себе – не обнял, а именно прижал! – и грубо процедил:

– Женщина, которая спит с мужчиной, принимает от него подарки, а сама стелется под другого, – это шлюха. А я выбирал себе жену. Теперь у нас один выход. Или ты ведешь себя, как положено порядочной женщине, или я с этой историей разбираюсь сам. Ты так низко пала, Лионелла, что на моих глазах отбиваешь мужа своей единственной подруги. Не знаю, как ты с этим можешь жить. Но есть еще я, и тут ты не на такого напала.

Он оттолкнул меня так, что я чуть не упала. Не оглядываясь, сел в машину и уехал. А я дрожала, вспоминая его страшный взгляд.

И сейчас я четко понимаю: то был взгляд убийцы. У него же отец криминальный авторитет. В ресторане мы были неделю назад.

Что для меня лучше: все рассказать полиции и бояться мести Автандила или ждать, пока они его найдут сами, а потом в чем-то обвинят меня?

Мамочки, я этого не вынесу! Я до утра умру только от страха.

Никита

Вчера умерла моя первая жена Надя. Отмучилась. Отмучила меня. Странное чувство. Ты тащишь невыносимо тяжелый груз, несешь его по ухабам, под снегом и градом, падаешь, прижимая его к себе. Ты закрываешь его собой от холода и зноя. Ты становишься им в большей степени, чем собой. Этот груз – не просто близкий человек, это общий, не пережитый до конца мир. Это уже моя боль. Метастазы, разрывающие тело матери моего сына, дотянулись до моей души. И больше всего на свете я не хотел конца. Растянутое несчастье – почти стабильность. Любая перемена – это шаг к неведомой пропасти. На том пути уже ничего не удержишь и никого не спасешь.

И вот все кончилось. Наверное, это для всех становится неожиданностью. Мне же говорил врач, что неделя минимум есть. И я собирался неделю жить, ничего не меняя, засыпать, просыпаться, не вздрагивать от звонка.

Сажу за столом пятый час. Поставил, как полагается, перед собой нашу свадебную фотографию. Пью водку. Ищу в себе горечь, спрятанные от людей рыдания. Но этого нет. Осталась печальная жалость, самое теплое чувство, которое я когда-либо испытывал к Наде. Ушел страх перед ее разоблачениями, оскорблениями, ушли муки моей истерзанной совести. Ей не больно, а я выполнил свой долг до конца, честно и с любовью. Мне не в чем себя винить. Да, я испытываю благодарное и потрясенное облегчение. Она отпустила меня. Самая доступная сейчас истина – не нужно бояться перемен, только перемены и приносят иногда спасение.

Ночь смерти близкого человека – это вообще откровение. Ты ощущаешь движение высших сил. И самые роковые стечения обстоятельств принимаешь как данность. Кто-то помогает тебе сверху. Я – атеист, к слову.

Но я поверил в рок и руку справедливого возмездия. Так получилось, что в эту же ночь напали на Антона. Он тяжело ранен, в коме. Я прочитал в интернете, какого рода ранения, проконсультировался с Надиным врачом. Вряд ли Антон выживет. В лучшем случае останется нетрудоспособным инвалидом.

Антон. Самый прекрасный человек, какого я видел в своей жизни. Он красив не только внешне. Антон – образец гармонии. Даже то, что в другом казалось бы отвратительным высокомерием, в Антоне – благородное достоинство. Вокруг него всегда было так мало людей. Он ничего не делал для того, чтобы окружающие чувствовали себя существами низшего сорта, он даже не осознавал, как влияет на всех, но это происходило и происходит едва ли не со всеми. Я был исключением. До поры. Единственный друг, равный по образованию и интеллекту, общее дело. Но я позволил себе человеческую слабость. Я сделал выбор между гражданской принципиальностью и жизнями близких, зависящих от меня людей. Мало кому удастся проскочить мимо такого выбора в этой стране, где деньги платят не за ум, не за талант и даже не за результат. Их просто делят, как в бандитском общаке. Интересно, как бы поступил Антон? Наверное, переступил бы через любые жизни. Впереди у него вечность и будущее науки. Для кого-то.

Я очень жалею Антона. Я всегда жалел его больше, чем себя. В одном из школьных походов мы с ним заблудились. Он подвернул в лесу лодыжку, сильно ударился головой о камень, и я нес его на руках. Тащил и плакал от тяжести и его боли. Он не плакал, конечно. И сейчас мне легче думать, что Антон без сознания и боли не чувствует. В отличие от Нади он был совершенно здоров до того момента, как в него вонзили тот клинок.

Если утром я узнаю, что Антона больше нет, это будет, возможно, самым большим ударом моей жизни. Он, разумеется, создан для жизни и любви. В отличие от очень многих. Да, это будет главным моим потрясением. И самым большим облегчением. Антон унесет мой секрет Полишинеля. Только Антону все это могло показаться преступлением. Ему плевать, что так живут почти все. С ним уйдет мой стыд – перед ним и только, мой страх публичного раз-

облачения. Я смогу спокойно поддерживать Ольгу на последнем отрезке ее пути. Нашего с ней пути, который без меня у нее был бы, наверное, совсем другим.

Я возвращаюсь к мысли о спасительных переменах как к единственной надежде, допиваю свою водку и хочу уплыть в сон. В детский сон о тех временах, когда все могло сложиться иначе и быть сказкой.

И вдруг вспоминаю. Днем я заскочил из больницы в офис. Необходимо было подписать несколько бумаг и сделать пару распоряжений. В коридоре наткнулся на незнакомого человека. Высокий блондин, который неожиданно мне улыбнулся, как знакомому. Он и вышел, кажется, из моего отдела. Я спросил у секретарши, кто это. Она ответила:

– Представляете, Никита Михайлович, это настоящий частный детектив. Показал мне удостоверение, задавал всякие вопросы. И такой смешной анекдот рассказал, я умирала со смеху.

– Что именно его интересовало?

– Я и не поняла. Что-то говорил мне про маму-учительницу, науку, любовь к физике. Спрашивал про всех наших сотрудников. Как вы думаете, вдруг у нас прячется какой-то преступник? Или, наоборот, на нас хотят напасть?

– Я думаю, что у тебя голова забита чушью. Даже завидую такому счастью. Работай и меньше болтай с незнакомыми блондинами.

И только сейчас я связал этот случай с Антоном. Да, он ведь вчера днем был жив-здоров. То есть детектив не мог расследовать факт нападения. Но он мог проверять то, что Антон успел ему рассказать обо мне. Нет, не может быть! Он ведь дал мне слово подождать. Он дал мне время! И это время не истекло.

Нужно спать, завтра понадобится много сил. Но какой-то липкий, тошнотворный туман облепил меня, проник в мозг, сжал сердце. Это страх.

Борис

Только не это. Только не возвращение приступов острой ярости. Я полностью беспомощен перед ними. Больные подозрения, раскаленные открытия, потребность отключить робкие сигналы разума, которые напоминают о самосохранении... Я чувствую: еще чуть-чуть, и к черту самосохранение. К черту десятилетия, в течение которых я тренировал свою волю, учился терпеть и скрывать. Это стало моей религией – терпеть и скрывать. Только так можно было строить жизнь, планировать будущее, получать свою долю покоя, удовлетворения и наслаждений.

Не так давно я увидел у Марии свой портрет и был потрясен. Я увидел в нем свою суть. То, что стало давно прошлым, как мне казалось. Но Мария меня не знала раньше. Она ничего не знает о моем сумасшедшем взрослении, когда ярость вдруг стала моим единственным оружием против враждебного мира. Я не прощал ему ничего: ни одного унижения, ни одного разочарования, никакой самой маленькой потери. Виноваты были все. Родители, обожающая бабушка – они тоже были там, в стане врага. Временами они были хуже всех, потому что только у них была возможность предать меня. С их разрешения, по их инициативе меня хватала полиция, вязали врачи. Меня пичкали таблетками и кололи успокоительными инъекциями.

Навсегда запомнил один момент. Я не могу шевельнуть руками-ногами, голова набита неудобной тяжестью, поверну – удар резкой боли. И надо мной склонилось лицо отца. Родное, доброе и такое печальное лицо. Он меня сюда отправил. Я тупо думаю о том, что во рту нет слюны, чтобы плюнуть в это лицо. И с огромным усилием справляюсь с шершавым языком, издаю не шепот, а шипение:

– Пошел вон.

– Как же тебе объяснить? – спокойно и горько сказал отец. – Речь идет только о спасении твоей жизни. Тебе кажется, что ты бьешься с врагами. На самом деле ты убиваешь только себя. Как же я устал тащить тебя от пропасти, заставлять жить. Для этого нужно укротить себя, подчиняться хотя бы разуму. Был бы ты другим – не таким сильным, умным, полноценным, – я, наверное, махнул бы рукой. Лети на свой огонь. Но мне так жалко твоей жизни, что уже не жалко своей. Я люблю тебя, сынок.

Это сработало. Таким был перелом. Не помогли ни попытки насильственного укрощения, ни дозы лекарств, ни морали психологов-педагогов. Даже слезы матери были напрасными. Помогло это грустное откровение отца, адресованное не мне, а тому чувству родства, которое оказалось не истребленным до конца моей яростью. Я поверил ему. Я научился думать за секунду до приступа. И всем стало ясно, что то была не болезнь, а хищная сторона моей души. Которую и поймала Мария в своем рисунке. Я не стал убийцей в подростковом возрасте только благодаря усталой преданности отца.

Мария. Особенная женщина. Особый человек в моей жизни. Я давно уже уравновешенный, добропорядочный обыватель с нормальными приоритетами. Бизнес, быт, качественное решение сексуальных проблем. Никто даже не представляет, сколько у меня внутренних ограничений, какая сложная система собственной безопасности. Да, я научился, наконец, ценить и спасать свою жизнь. И прежде всего я обложил подушками безопасности свои отношения. Исключил эмоциональные взрывы, которые начинаются как сладкая влюбленность, а потом разносят к чертям терпение, границы, опыт и мозги.

Мои женщины, отобранные по строгим критериям, должны знать свое место и время. О семье речи нет. Для меня воспоминания о семье – это картины взаимных пыток неплохих, ни в чем не виноватых людей, каждый из которых был бы счастлив сам по себе. Они не виноваты ни в чем, кроме одного: они пытались любить друг друга. А это наказуемо, потому что чужая душа и чужой ум всегда потемки. И злополучная родная кровь лишь не дает заживать ранам.

И вдруг Мария. Сверкнула в ряду качественных женщин, как изумруд в жемчужном колье. Я и не подумал отказываться от такого подарка. И меня ждало самое приятное открытие: Мария не стремится к прочным, оформленным отношениям еще в большей степени, чем я. Но по совсем другим, на мой взгляд, нелепым мотивам. Мария посвятила свою жизнь племяннице, которая стала ее приемной дочерью. Я стал ее первым постоянным любовником благодаря тому, что к моменту нашего знакомства Кристина вышла замуж, и Мария с королевской щедростью открыла для меня свой дом и даже свой мир мыслей, представлений и чувств. Смею надеяться, что чувство ко мне в этом мире не на последнем месте.

Я же обживал собственное отношение к Марии, как уникальный опыт. Привыкал к эмоциям, которые она вызвала, как человек приучает себя к кипятку, начиная с ванны комнатной температуры. Почти убедил себя: я в такой отличной психологической форме, что могу позволить себе взрыв восторга или неукротимой плотской страсти, и он никак не пошатнет мою устойчивость и мою безопасность. Слишком поздно осознал, как ужасно ошибся.

Мария далеко не сразу решилась познакомить дочь и зятя со мной. Около полугода я мог судить о них лишь по ее скупым отзывам и по снимкам. Кристина – довольно бесцветная женщина с унылым выражением лица. В каких-то ракурсах она выглядит старше Марии. И, разумеется, в ней нет даже намека на исключительную, броскую, одухотворенную красоту Марии. Они совершенно не похожи внешне, хотя родственницы по крови. Ее муж Антон – другой. Даже по снимкам он показался мне незаурядным человеком, и это, наверное, мягко сказано. Я полагал, что это просто фотогеничность, но когда познакомился вживую, попал в ауру редкого обаяния. Обаяния другого мужчины, что для меня почти невозможно. У меня самомнение, брезгливость и нетерпимость доминантного самца, который не выносит слишком близко существ своего пола. Но тут дело в том, что в общении с Антоном мужская суть была не главным, он сразу предлагал полноценный и комфортный человеческий контакт. Много знает, все понимает, деликатно интересуется позицией собеседника, и ноль инициативы в смысле нарушения чужих границ. И совсем меня успокоило мнение Марии о нем.

– Мне кажется, это идеальный муж для Кристины. Ответственный, спокойный, порядочный и красивый.

– Для Кристины. А тебе бы подошел такой?

– Мне уже никакой не подошел. Нет, с Антоном мне легко, но неинтересно. Слишком правильный и пресный.

Мария сама тогда видела Антона в третий или четвертый раз. Как же я пропустил развитие этой картинки, которую считал застывшей? Как вообще мог допустить, будто люди застывают в своих отношениях, как их изображения на бумаге?

Удар был такой силы, что я слышал треск своего черепа. Удар изнутри, толчок моей же мгновенно взбесившейся крови.

У меня есть ключ от квартиры Марии. В тот день я сумел вырваться к ней в обеденный перерыв без предварительной договоренности. Захотелось вместо обеда выпить с ней чаю с чем-то сладким. На самом деле хотелось именно ее чаю. Только вместе с ней. Хотелось освежить взгляд ее прелестью, смотреть, как она смешно, по-детски облизывает пальчик, которым держит любимое пирожное. Ее любимые пирожные с шоколадным кремом я принес в коробке.

Я всегда предварительно звоню в дверь. Долго жду, ухожу, если мне не открывают. Не хочу пользоваться правом ключа. Она может не хотеть кого-то видеть, может спать, просто думать в одиночестве. На этот раз дело было в коробке с пирожными. Мария не открывала, я решил, что ее нет. Хотел оставить пирожные в кухне и уйти.

Они не видели, не слышали меня, даже когда я бросил коробку на пол и прошел прямо к спальне Марии. Стоял там на пороге и смотрел. Слушал. Антон целовал Марию. Она не поддерживала падающий с голого тела халатик. Она гладила его лицо и смотрела на него ненасытными глазами. Эти двое выпали совершенно из собственных норм и представлений. Я видел

отчаянную, безумную страсть. Мужчина и женщина подошли к тому краю, в который сейчас рухнет упорядоченная жизнь многих. Наша выстрадавшая, моя нормальная жизнь.

– Уйди, дорогой, – сказала ему Мария. – Уйди, пока я еще могу это сказать.

– Да, – ответил он. – Сейчас. Просто в ближайшую неделю я точно не вырвусь. Мне нужно было вдохнуть тебя, чтобы дожить до встречи.

Это было две недели назад. Я тогда успел выйти, бросить в мусорный бак пирожные, сесть в машину. Только минут через десять Антон вышел из подъезда. Я дал ему уехать первым.

Прошла с тех пор вечность. Трудно сейчас восстановить, что происходило со мной в это время. Что происходило со всеми нами. Но сейчас, в эту ночь воспоминаний и откровений, я знаю одно: в моей обугленной душе осталась ярость, которую так и не удалось утолить. Протест против подлого и насмешливого оскала моей хищной судьбы.

Мария

Я больна. Никогда никому не жаловалась, никогда не ходила к врачам. И никогда не говорила себе, что я больна. Просто иногда – на бегу, между делами, в свободную минуту – нужно было быстро погасить температуру, унять головную боль или страшную ломоту во всем теле. Сейчас я вся – боль, воспаление, жар и спазмы удушья. Я не могу себе помочь, я чувствую больной запах собственного тела и не верю в то, что есть спасение. Где источник? В опутанном каким-то ядом мозгу или там, внизу живота, где как будто схватки разрывают мои нерожавшие внутренности? Может, я в последнее время, такое напряженное, такое тайное, такое преступное, добегалась до последней стадии рака? Может, наоборот: я приговорила себя к казни, жажду смерти, а моя природа кормилицы и хранительницы тащит меня обратно, к обязанностям страшной жизни. Грубо тащит, сквозь мясорубку, чтобы на выходе вылепить заново. Иначе мне больше не вписаться в жизнь обычных людей.

Никому ни в чем не признаюсь. Ни у кого не попрошу помощи. Какая разница: что за природа у моей боли. Злокачественные щупальца или конвульсии неутоленного, убитого желания. Эта боль – единственное, что спасает сейчас мозг от безумия, а душу от стремления перестать жить и понимать.

Антон умирает. Моя бедная, беспомощная Кристина, у которой были два родных человека, обманута и предана нами. Борис превратился в того зверя, который у меня получился вместо его портрета.

Я ни в чем не виновата. Я виновата во всем. Я не знала, что такое настоящее, ликующее счастье. Я его узнала, чтобы сразу понять: так выглядит только начало горя.

Вот я и осмелилась произнести слово «счастье». До этого момента для меня не существовало такого понятия. Оно казалось мне иллюзорным, чрезмерным, искусственным.

Странно: я совсем не думаю о человеке, который пытался убить Антона. Следовательно звонил и просил подумать о том, кого я подозреваю, перед нашей встречей. Разумеется, никого. Не существует человека, который в здравом уме хотел бы убить Антона. Антон ни в чем и никак не пересекается с другими живущими на земле людьми. Он не такой. И это все, что я могу сказать о трагедии.

Мне сказали, что Антон оставил машину у ограды своего дома, а сам к кому-то шагнул, возможно, к знакомому. Это видно на съемке видеокамеры. На самом деле он повернулся не к кому-то, а в сторону моего дома. Он забежал ко мне буквально на полчаса. Сказал, что его ждет Кристина, он ей звонил с дороги.

– Но я подумал, что если не увижу тебя сейчас, мое сердце просто разорвется. Быть так близко и не дотронуться до твоего волшебного тела, не посмотреть на твое прекрасное лицо – это пытка. Я не доживу до утра.

Да, так он сказал: «Я не доживу до утра». И больше ничего. Мы только целовались – торопливо, горячо и горько. И я об этом не могу никому сказать. Я не причиню такой боли Кристине. Да, это имеет отношение к тому, что произошло. Антон был потрясен и встревожен. Он так переживал нашу встречу и постоянные разлуки, что на каком-то эмоциональном уровне притянул сумасшедшего. Есть же настолько несчастные существа, чей мозг постоянно пылает, и для того чтобы его погасить, им нужны жертвы. Это даже не преступник. Это рок. Наказание за нашу вину.

Сумасшедший... Меня качнуло, в глазах стало совсем темно. Рок. Дикий, свихнувшийся и горящий разум. Разве это не Борис в нашу последнюю встречу? Нет, об этом думать нельзя. Я теряю сознание.

Доползла до зеркала в ванной. Волосы тяжелые, влажные, спутанные. Лицо, как у покойницы, с мрачным угасающим взором, губы крепко держат плач и крик. А грудь и руки все

еще тоскуют по любви. По Антону. Мы любовниками побыли меньше месяца. Встречались по-настоящему, не на ходу, пять раз. Но то, что расплата будет именно такой, я, наверное, чувствовала все время. Просто тогда это не имело значения. Тогда мы оба знали, что слишком дорогой цены за наше обретенное богатство не бывает. И в каком-то уголке сердца жила надежда: мы сможем спрятать свою тайну надолго. Пока смерть не разлучит... Так вот она и разлучает. И надежды сбываются.

Что я могу? Что я должна? Что есть самое главное в этом мраке? Я выпила первый стакан воды за последние сутки и подошла к окну. Он должен дожить до утра. Вот и все, что сейчас нужно. Если бы я умела молиться. Если бы я во что-то или в кого-то верила...

Я приложила ладони к стеклу, пытаюсь прикрыть круг полной луны. Погладила ее лицо. И позвала Антона. Без звука, даже без дыхания, чтобы стук крови не заглушал мою просьбу. Вернись. Только вернись. Вот и все, ради чего я сейчас живу.

АНТОН

Я проснулся от того, что меня кто-то позвал. Увидел больничную палату, трубки капельниц, лицо человека в белом халате, который смотрел на меня. Поймал мой взгляд и приложил палец к губам. Показал, что мне нельзя говорить. Я не смог бы и попытаться.

– Меня зовут Игорь Николаевич. Я ваш хирург, – сказал он. – Мы с вами проделали большую работу. Скажу прямо: у меня не было стопроцентной уверенности в том, что вы сумеете выйти из наркоза. Для хирурга выносливость и воля к жизни пациента – залог успеха. И потому я сейчас вас благодарю и очень осторожно сообщаю: вы будете жить. Вас пытались убить. Были повреждены сердце и легкие. Ближайшие дни многое решат. Так что прошу помогать нам и дальше. Как только будет возможно, к вам допустят следователя. Пока нельзя даже родственникам. Все в курсе, переживают за вас. Жена приходила. Отдыхайте. Медсестра за вами постоянно наблюдает. Кнопка вызова вот. Скоро сможете двигаться.

Вот откуда ощущение сбившейся в комок тупой боли, которая заполнила меня, лишила сил, мыслей и чувств. Я, кажется, и не дышу сам. За меня живут эти приборы. Хорошо, что врач сказал мне, что я жив. Нужно что-то вспомнить, пока не погас слабый свет в мозгу. Хотели убить? Мне даже трудно понять, что это значит. Мне нечего сказать следователю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.